К кризису современной медицины.

С. Левит.

Медицина, бывшая еще недавно сравнительно небольшим комплексом наук о болезнях человека, их индивидуальном предупреждении и лечении, за последние годы бурно развивает сферу своего влияния, охватывая понемногу ряд смежных с ней наук, имеющих дело с человеком здоровым и с его коллективом. Такие области, как охрана материнства и младенчества, организация питания и жилища, физкультура, гигиена труда и воспитания, психотехника и профотбор, демография, евгеника и евфеника, все учение о поведении личности и др. стали, целиком или частично, неот'емлемыми частями (по крайней мере в СССР) единого комплекса дисциплин — медицины. Это обязывает. Ибо уж простой перечень упомянутых наук, из которых почти каждая уходит своими корнями в теоретическую биологию и в то же время тесно переплетается с проблемами социальными, показывает абсолютную необходимость четкой марксистской методологии как для действительно плодотворного движения вперед, так и для целей революционной практики. Две опасности вырисовываются при этом с совершенной отчетливостью: это, во-первых, полная биологизация медицины, выхолащивание ее социально-классового содержания и, во-вторых, прямая ее противоположность — отрыв от теоретических основ биологии и неизбежно связанные с этим пустословие, беспомощный эмпиризм и эклектика. Задача диалектического синтеза высших достижений биологии с четкой классовой установкой в вопросах социальных—по плечу лишь одной марксистско-ленинской теории. И, наоборот, игнорирование материалистической диалектики неизбежно должно, несмотря на частичные успехи, в конечном счете, привести к беспомощному топтанию на месте, к мелкому «научному» делячеству и к реакционной практике.

Современная медицина Запада не только насквозь реакционна, в смысле своего социального содержания, но и весьма далека от многих новейших достижений биологии. Вряд ли когда-либо, какая-либо наука переживала такой глубокий кризис, какой мы наблюдаем сейчас в буржуазной медицине. Невероятный хаос мнений и суждений, отсутствие основных руководящих принципов, которые служили бы путеводной звездой для конкретных исследований, обилие упадочнических идеалистических (и граничащих с мистицизмом) теорий,—вот характерные черты современной буржуазной медицинской мысли. И это относится не только к рядовым ученым и к рядовым врачам: тон в этом отношении задают «корифеи» науки. На 89 с'езде немецких естествоиспытателей и врачей (1927 г.) никто иные, как знаменитый хирург Зауэрбрух и видный патолог Эрнст, констатировали бессилие научных методов и призывали к интуиции, к телеологии, договариваясь до апологии религии. В том же духе высказываются такие авторитеты, как Крель и Ашоф. В своей нашумевшей книге «Врач и его призвание» Лик, радостно возвещая, что естествознание и врачи, «подняв паруса, выплывают из пустыни материализма в царство света», дает такой совет читателю:

«Никто не должен заниматься научной работой, не овладев некоторыми философскими понятиями, *прежде всего понятием фикции*» (стр. 109. Разрядка наша. *С. Л.*). В солидном немецком журнале мы читаем в 1929 г.: «Медицина представляет собой четырехгранную пирамиду. Ее четырьмя сторонами являются: исследование природы, философия, искусство и **религия**[1]) (Разрядка наша. *С. Л.*).

Тот же автор продолжает: «Кризис медицины будет преодолен, когда врачи будут не только людьми образованными, но когда они холодное и безличное знание пропитают искусством и религиозностью». А Лейпцигский институт истории медицины устроил зимой 1928 г. ряд диспутов по принципиальным вопросам медицины (выступали с докладами известные профессора: Бругш, Гроте, д-р Лик и др.), при чем характерно, что слово «кризис» фигурировало во всех докладах. Вот что мы читаем у одного из докладчиков (Gurt Elze. Der anatomische Gedanke): «Физики признали, что современное состояние их науки не может поддерживать веру в покоящуюся на точных законах каузальность материального мира... Разве может при этом биолог, врач быть больше физиком, чем сами физики». И дальше: «То, что можно исследовать разумом, необходимо исследовать, но при всем том остается обязанность и счастье мыслящего человека чтить непознаваемое». Конец его речи гласит: «Через боковую дверь анатомической мысли медицина снова вступила в храм Асклепия. Она уразумела, что анатомическая мысль есть лишь «подчиненная сторона»; пусть она осознает это, пусть она мыслит и исследует, благочестиво чтя святого бога»[2]).

Подобные заявления отнюдь не единичны: разговоры о кризисе почти не сходят со страниц медицинской печати последних лет и почти неизбежным спутником их являются размышления о религии, о непознаваемом, о бессилии науки, о телеологии и пр. Наскоро заготовляются и земные рецепты против существующих затруднений: знаменитый хирург Бир, а за ним и многие другие стали находить утешение в гомеопатии; видный клиницист Ашнер призывает серьезно задуматься над магнетопатией, цыганской медициной, телепатией и пр. Превалирующий же лозунг большинства философствующих корифеев (а к изучению философии призывают решительно все)—«назад», назад к Гиппократу, к Парацельсу, назад от лаборатории к постели больного, от науки к искусству, к интуиции[3]).

В чем причина этого хаоса, этой свистопляски невежества, сумбура, безверия, уныния и реакции? Не может быть никакого сомнения в том, что основную движущую силу этого идеалистического потока следует искать в тех классовых отношениях, которые складываются сейчас на Западе, в усиливающемся экономическом кризисе, в назревающей в связи с этим революционной волне. Но если правильно в указанных явлениях искать общую причину кризиса теоретической мысли, то было бы сугубо недостаточно при анализе последнего ограничиться только этим: для понимания тех форм, которые принял современный кризис, для действительного преодоления последнего мы не можем ограничиваться одной лишь критикой идеализма и поповщины, включая даже абстрактный призыв к изучению и внедрению диалектического материализма. Для достижения этих целей необходимо рассмотреть те конкретные затруднения, перед которыми стоит современная медицина и, пользуясь единственно научной, марксистской методологией, помочь науке выбраться из того лабиринта, в котором она очутилась.

---

[1]) Buttersack, Die ärztliche Krisis, «Münch. med Woch», 1929, S. 1413.

[2]) Grundlagen und Ziele der Medizin der Gegenwart, Leipzig 1928, S. 21—22.

[3]) Интересно отметить, что в Германии недавно организованы издательство и журнал имени Гиппократа, поставившие себе специальной целью пропаганду упомянутых идей.

Выше мы указывали, что медицина находится на стыке биологических и социальных наук. И совершенно естественно, что незнание или игнорирование закономерностей и тех и других неизбежно приводит к тяжелым противоречиям.

Основой здравоохранения Запада является частная медицина. Последняя определяет и кругозор и образ действий частнопрактикующего врача (а таковых подавляющее большинство). Буржуазному врачу Запада чужды широкие социально-профилактические мероприятия, ибо последние, как средство действительного оздоровления трудящихся масс, естественно, не стоят в порядке дня. Проблема *индивидуального* лечения и, в лучшем случае, *индивидуальной* профилактики определяет размах его теоретических исканий. А это влечет за собой, во-первых, привязанность врача к идеологии господствующих классов, ибо вполне понятно, что лишь последние являются выгодными, «солидными» покупателями его знаний, его опыта. Но этого мало. Сплошь загруженный мыслями о «лучшем лекарстве» для индивидуального потребителя, он поневоле чурается широкой научной постановки проблем. Он вынужден это делать потому, что действительные достижения науки сплошь и рядом дают основание сомневаться (а то и отрицать) эмпирически, с такой затратой труда, придуманную терапию. Он боится заглянуть в глаза действительности, ибо последняя готова поиздеваться над его кропотливым трудом. И он мечется в бессилии, готовый кидаться в об'ятия то знахарству, то «народной медицине», то «дальновидению» и прочей чертовщине. Не помогают, однако, и последние, и разочарованный потребитель все более отворачивается от ученого эскулапа. И в безвыходной тоске Ашнер, например, задается вопросом: как это могло случиться, что амбулатории знаменитых врачей пустуют, в то время как шарлатаны (и это в «культурном» Западе) численно все растут и пользуются все большим успехом? [1]. И отвечает: надо пересмотреть наше отношение к «неофициальной» медицине (гомеопатии, теософской и антропософской медицине, магнетопатии, народной медицине, экзотической медицине и др.), вероятно там не все гнило [2]. Отсюда его призывы к «конституционной терапии», под каковой разумеются все способы, улучшающие «соки организма» и входящие в арсенал «неофициальной» медицины. Отсюда крики «назад к Гиппократу», к «кразам» и «дискразиям» (горчам соков), разговоры о «непознаваемом», о бессилии науки и то робкие, то смелые призыва к божеству [3]).

Октябрьская революция одним взмахом сняла эти противоречия. Она вывела врача из душного кабинета частной практики и взвалила на его плечи огромные общественные, революционные задачи. Она создала и создает все достаточное и необходимое для ликвидации, в первую очередь, всей экзогенной (обусловленной внешней средой) патологии и всех тех препятствий, которые стоят на пути к выявлению всех положительных биологических потенций трудящихся масс. Ликвидация высокой смертности (особенно детского возраста), эпидемий, являвшихся бичем старой царской России, профзаболеваний (интоксикаций, промышленного травматизма) — вот первые задачи, которые поставила революция перед врачебной массой и которые с энтузиазмом подхвачены последней. Но этого мало. Революция создала все возможности для рационально организации труда и отдыха, для широкого санитарного просвещения масс, для построения нового, здорового жилища, для таких форм воспитания вновь подрастающих поколений, которые действительно гарантируют наиболее полное выявление лучших потенций личности, для рациональных психотехнических мероприятий и профотбора. Она, наконец, создает невиданные до сих пор формы быта — в домах-коммунах, колхозах, социалистических городах, в организации которого не последнее место должны занимать (и занимают) врачи. Все это совершенно новые проблемы, никогда не стоявшие перед врачами, проблемы, которым в вузах их не обучали (да и сейчас обучают мало) и разрешению которых приходится учиться находу, в повседневной практике. И *в этих* вопросах революционная теория в основном идет впереди практики. Ибо весь тот запас знаний, которым мы сейчас владеем, говорит о возможности разрешить эти задачи при том условии, когда государственная власть находится в руках пролетариата, когда создаются все экономические предпосылки для ликвидации эксплоатации и нищеты народных масс, когда лозунгом страны строящегося социализма является «догнать и перегнать». Нет ни малейшего сомнения, что с перечисленными задачами мы справимся в сравнительно быстрый срок и что уж очень недалек тот момент, когда по этим вопросам буржуазные страны смогут многое позаимствовать у нас (а многому они в этом отношении могли бы уже сейчас у нас поучиться). Речь идет при этом, само собой разумеется, не только о формах организации нашего здравоохранения (которая для капиталистического общества просто недоступна), но и о его *результатах*. Уже сейчас мы имеем ряд показателей, говорящих об огромных наших достижениях. Если вспомнить, что детская смертность является одним из чувствительных показателей социального и в частности санитарного благополучия населения (до ⅓ всех случаев смертности приходится на долю маленьких детей) и что, например, по Москве мы имеем (на 100 родившихся) вместо 26,8 смертей на первом году жизни в 1911—1913 гг. и вместо кульминационной цифры последних лет 34,4 в 1919 г. поразительно быстрый темп снижения в годы восстановления нашего хозяйства (в 1927 г.—13,9), то вряд ли можно будет сказать, что мы слишком оптимистичны в своей оценке. Не менее четко обрисовываются наши успехи по линии бича старой царской России—инфекционных болезней. Мы имеем, например, ясно выраженное снижение заболеваемости сифилисом (56,3 зарегистрированных заболеваний на 10.000 населения в 1913 г. и 26,8 в 1928 г.), дизентерией (31,4 и 3,0 за те же годы), брюшным тифом (26,6 и 6,91) и др. Если, далее, вспомнить, что смертность в старой России была значительно выше, чем во всех других капиталистических странах и что, в противоположность этому, например, «Украина за 2—3 года снизила смертность сельского населения на 15%, что поставило ее уже к 1928 г. в положение ряда иностранных государств» [1]), то факт наших быстрых успехов в деле оздоровления трудящихся масс вряд ли может вызывать сомнения. Вряд ли можно также сомневаться в том, что лишь диктатура пролетариата создала действительные предпосылки для этих достижений.

Сказанное, однако, отнюдь не означает, что теоретическая сторона *всех* указанных выше проблем уже разрешена и что остается лишь их конкретное оформление: совершенно несомненно, что каждый реальный успех в какой-либо из перечисленных выше областей (которые все вместе можно условно об'единить термином социальной профилактики) ставит новые проблемы перед теорией, каковая, разрешая их, в свою очередь по-новому ставит задачи прикладные, конкретные. Но общая, генеральная линия здесь ясна: социализм (и только он) делает действительно плодотворным все мероприятия по оздоровлению трудящихся масс. И надо продолжать внедрять в сознание врачей ту мысль (отчасти ими уже усвоенную), что, участвуя активно в строительстве социалистического здравоохранения, на основе ди-

---

[1]) По его мнению ⅘ всего человечества пользуется «неофициальной» медициной.

[2]) Bernnard, Aschner, Die Krise der Medizin, Hippokrates-Verlag, 1927, S. 13

[3]) Интересно отметить, что видный немецкий клиницист Гольдшейдер, разбирая тот же вопрос, видит одну из причин роста знахарства в... «современной пролетаризации врачей» («Боевые вопросы врачевания». Гиз, 1929, стр. 61).

---

[1]) Из находящейся в печати статьи А. М. Волкова.

ректив партии и сов. власти, он этим самым делает революционное, марксистско-ленинское дело, что всякая недооценка социально-профилактических мероприятий есть по сути дела отражение контрреволюционной идеологии, что нечего заниматься выдумыванием какого-то особого «сверх-марксизма», что все попытки в этом отношении (а таких «прожектов» имеется не мало), отвлекая внимание от актуальных задач социалистического здравоохранения, фактически льют воду на мельницу врагов коммунизма и марксизма. Больше конкретности, четкости, поменьше фразеологии,—вот наши лозунги в перечисленных вопросах.

Изложенное выше приводит нас, естественно, к вопросу: а есть ли кризис медицины у н а с, снимаем ли мы нашей теперешней практикой здравоохранения в с е наболевшие у врачей вопросы, являются ли распространенные у нас теории биологии и патологии вполне на той высоте, которая требуется (или в ближайшем будущем потребуется) для разрешения в с е х вопросов социалистического здравоохранения? На эти вопросы мы столь же решительно должны ответить: кризис есть и у нас, теоретическая мысль и у нас отстает от многих проблем, актуальность которых или уже сейчас сказывается, или скажется в ближайшем будущем. И разрешение этих проблем лежит далеко за пределами того комплекса теоретических представлений, которые являются пока наиболее у нас распростаненными, уходя своими корнями в огромной важности методологические проблемы, служившие в течение последних лет предметом наших споров с механистами.

Вернемся опять к медицине Запада. Выше указывалось на бурно процветающий там идеализм. Последний (во всех видах и оттенках) является, однако, отнюдь не единственным мировоззрением, с которым мы там встречаемся: самые причудливые его сочетания с механизмом являются правилом. Больше того, можно смело утверждать, что если кризис капитализма является фактором, определяющим бурный расцвет идеализма, теологии и мистицизма, то не малую роль в том же направлении играет до сих пор широко распространенное среди естественников и врачей механическое миропонимание, бессильное справиться с теми новыми проблемами, которые в современной биологии и патологии постоянно возникают. Обозревая течения мысли и успехи патологии последних лет, видный немецкий патолог Герксгеймер приходит к следующему выводу: «Финально-телеологический способ мышления» (автор выше поясняет, что речь идет об имманентной телеологии) «не отвергается большинством современных ученых, которые снова постепенно приходят к выводу, что этот способ мышления является составной частью наших естественно-научных представлений и исследований» [1]). В чем же видит автор причину необходимости возврата к телеологии? «Так как,—пишет он,— в период неожиданного развития естествознания стало господствующим чисто-материалистическое миропонимание [2]), согласно которому все процессы природы поддаются чисто-физико-химическому об'яснению, то теологические или финальные об'яснения и выражения стали считаться в естествознании и в медицине не научными»... «Интересно, однако, что не только в биологии, но также в физике и химии»... «п р е к р а щ а е т с я г о с п о д с т в о м е х а н и з м а (разрядка автора. *С. Л.*) и что, вместе с тем, снова получает значение телеология». Не имеющий представления о философии диалектического материализма, буржуазный ученый видит единственный выход из кризиса, связанного с крахом механизма, в телеологии.

Но механическое миропонимание (в подавляющем большинстве случаев стихийное), как указано выше, широко распространено и среди врачей

[1]) H e r x h e i m e r, Krankheitslehre der Gegenwart, S. 15—16 Verl. v. Steinkorf, Dresden u. Leipzig 1927.

[2]) Автор (как, впрочем, и другие буржуазные ученые) отождествляет материализм с механизмом.

и находит свою конкретизацию в отношении нас здесь интересующих вопросов в отрицании дарвинизма (в особенности, селекционной теории), в ламаркистских концепциях всех толков и направлений (в частности, в наивной вере в наследование благоприобретенных признаков) и в пренебрежительном отношении к достижениям современной генетики. Здесь не место касаться всех вопросов, по которым за последние годы у нас велась дискуссия по линии биологии с механистами (в частности, с ламаркистами), тем более, что по этим вопросам имеется уже солидная литература. Остановимся лишь на некоторых из них и, в первую очередь, на отношении ламаркизма (не психо-, а механо-ламаркизма) к идеализму.

Верно ли, что механо-ламаркизм есть на нынешнем этапе наших знаний действительно материалистическая теория, гарантирующая от идеалистических шатаний и могущая (как многие товарищи склонны, например, интерпретировать значение опытов Каммерера) служить нам боевым знаменем в борьбе с идеализмом? На этот вопрос мы себе не только позволим ответить отрицательно, но скажем больше: в н а с т о я щ е е в р е м я м е х а н о - л а м а р к и з м п е р е р а с т а е т в и д е а л и з м, с м ы к а е т с я с п о с л е д н и м.

Смычка эта идет, главным образом, по линии проблемы органической целесообразности. Марксизм не отрицает последней, он стремится ее об'яснить. И нет более гениального ее об'яснения, чем теория отбора Дарвина. Именно это обстоятельство отметил Маркс в знаменитом своем письме к Лассалю, когда он писал, что теорией Дарвина «не только нанесен смертельный удар телеологии в естественных науках, но и эмпирически выяснено ее разумное значение» [1]). Отрицание же роли естественного отбора в происхождении приспособительных изменений организмов ведет к одному из двух путей: или к абсурдному отрицанию самого ф а к т а существования целесообразных структур и функций, или же к идеализму, поскольку заставляет предполагать наличие у животных и растений и м м а н е н т н о й с п о с о б н о с т и к целесообразному реагированию на воздействия среды, каковые, по мнению ламаркистов, являются причиной происхождения наследственных признаков. В этом пункте механо-ламаркизм смыкается с имманентной телеологией. И логически вполне последователен идеалист Берг, когда он, солидаризируясь с механическим пониманием жизни и заявляя себя сторонником ламаркизма, вместе с тем, неоднократно подчеркивает, что «ц е л е с о о б р а з н о с т ь е с т ь о с н о в н о е с в о й с т в о ж и в о г о» [2]) (разрядка Берга. *С. Л.*). В противоположность этой идеалистической концепции, более чем когда бы то ни было, твердо стоит селекционная теория Дарвина. Против же изначальной целесообразности мы обладаем в настоящее время не только методологическим оружием:—весь громадный опыт современного учения о наследственной изменчивости говорит о том, что мутации идут во всевозможных направлениях, являясь в значительном большинстве случаев вредными для их обладателей в данных условиях их существования и безжалостно отметаются отбором. И лишь немногочисленные, с л у ч а й н о возникающие и полезные изменения являются материалом для положительной селекции и для исторического возникновения приспособительных признаков.

Сказанное имеет непосредственное отношение и к вопросам патологии. Ибо лишь дарвинизм способен нанести сокрушительный удар бесконечной болтовне о «защитных силах организма», о vis medicatrix naturae («исцеляющей силе природы»), которыми столь пестрят философствования медиков. И это в одинаковой мере касается как трансцендентного, так и имма-

[1]) М а р к с и Э н г е л ь с, Письма. Ред. В. В. Адоратского, 1922, стр. 82.

[2]) Л. С. Б е р г, Номогенез, Петербург 1922 г., стр. 6.

нентного понимания этих мистических «сил»: последнее, видимо, и имеет в виду известный патолог Ашоф, когда он, отстаивая защитный характер воспаления (в этом, несомненно, есть доля истины), понимает под защитой «не телеологию в смысле особой жизненной силы, но внутреннюю телеологию в органическом смысле» [1]).

Однако, решительно борясь со всеми идеалистическими толкованиями целесообразности отдельных феноменов в патологических процессах, мы должны не менее резко разоблачить и механистическое упрощенство, которое иногда принимает крайне левую позу, попросту отрицая самую постановку этой проблемы. Вот образчик такого упрощенства. В «Материалах к VII Московскому губернскому с'езду врачей» мы читаем такой тезис: «Диалектический метод разоблачает в биологии и, в частности, в медицине витализм, скрывающийся под якобы, «целесообразностью» и «специфичностью» явлений (например, теория Мечникова и Эрлиха об иммунитете), противопоставляя такому подходу «связь формы с отправлением» (Лесгафт)» [2]). Не все грамотно в приведенном абзаце, но не это обстоятельство нас здесь интересует. Мы привели его затем, чтобы проиллюстрировать, как «легко» (фактически одним лишь заключением в кавычках) некоторые разделываются с проблемой целесообразности, нелепо противопоставляя последней ламаркистское понимание «связи формы с отправлением». Такая «легкость», однако, лишь дискредитирует марксизм и нисколько не продвигает нас вперед. И уже поскольку речь идет об иммунитете, целесообразность которого (относительная, конечно) очевидна, необходимо пытаться ее об'яснить. И никаких других средств для этого, кроме теории отбора, мы не имеем. Необходимо, однако, помнить, что одним лишь голым декларированием этой теории мы вперед продвигаемся очень мало. Необходимо, следовательно, для решения этой проблемы вопрос расчленить и пытаться отдельно его решать: а) для «естественного», наследственного иммунитета и б) для индивидуально-приобретенного, при чем последний пункт необходимо опять-таки дифференцировать в двух направлениях: 1) механизм выработки иммунных тел в ответ на внедрение инфекции и 2) факт сохранения приобретенного иммунитета надолго (иногда на всю жизнь) после выздоровления. Необходимо далее (особенно для пункта «а») исследовать приспособление в процессе эволюции как макро-, так и микроорганизма.

Здесь не место останавливаться более детально на этом частном вопросе. Но и сказанного достаточно для понимания сложности этой проблемы. Если к тому же прибавить, что она еще с фактической стороны совершенно не разработана, то станет ясно, сколь много нам предстоит в этом (и многих аналогичных) вопросе сделать в борьбе как с идеалистами (с их декретированными «защитными силами»), так и с механистами и ламаркистами (с их голым игнорированием проблемы целесообразности или с упрощенным, неисторическим ее решением).

Сказанное в отношении проблемы целесообразности есть лишь небольшая часть тех вопросов, в которых современная медицина сталкивается с теоретической биологией и решение которых перерастает в проблемы методологические. Одним из наболевших для медика вопросов является вопрос о соотносительной роли клинического и лабораторного методов исследования. Господствовавшее до недавнего времени механистическое миропонимание видит в сведении процессов жизни к физико-химическим закономерностям единственный способ познания этих процессов. Эти тенденции

---

[1]) Aschoff, «Münch. med. Woch.», 1928, № 6.

[2]) «Еженедельник отдела здравоохранения Московского Совета Р., К. и К. Д.» 1928 г., №№ 15—17, стр. 227.

получили свое отражение в медицине в уродливой гипертрофии физико-химических методов исследования, в отходе (а иногда в забвении) от изучения целостной личности больного, в пренебрежительном отношении к клинике. Крах механизма не замедлил сказаться и в этом вопросе, и вред этих увлечений ясно осознан большинством врачей. Но, как это неизбежно случается при отсутствии четких методологических основ—одна крайность сменила другую и крики «назад из лаборатории к постели больного» все чаще раздаются на страницах медицинской печати.

Можем ли мы присоединиться к этому лозунгу (кстати сказать, на Западе неизбежно разбавляемому разговорами об «откровении» врача, об интуиции и пр.)? Вряд ли могут быть сомнения в этом вопросе. Безусловно, лабораторные методы, методы анализа, никогда не исчерпывают всего своеобразия каждой индивидуальной личности. Но если часть не заменяет целого, то частью (об'ективной действительности) оно не перестает от этого быть. И познание этой части нас приближает к пониманию целого. Приближает, но не исчерпывает и не заменяет изучения целого. Мы должны поэтому истерическим возгласам «назад» противопоставить свой лозунг: «Вперед вместе с лабораторией», не растворяя в ней закономерностей целого, пользоваться ею как одним из путей для познания целого.

Еще более наболевшей является проблема «организм-среда» и, в частности, роль последней в происхождении физиологических особенностей и патологических признаков человека. «Среде» у нас за время революции повезло. Не дифференцируя понятия среды (для человека, как целого, для его половых клеток, для заключенных в последних материальных основ наследственности—хромосом, для генов, как частей последних), ею оперируют «вообще», в ней стремятся найти (и «находят») фактор, определяющий все биологические особенности организма. Мало того, некоторые наивно думают, что подобная концепция есть единственно-революционная, единственно-марксистская и что, отступая от нее, мы неизбежно скатываемся в лагерь идеализма и поповщины. В связи с этим, довольно широко распространенным является взгляд о якобы реакционности генетики, трактующей о генотипическом, наследственном строении организма. Подобный взгляд является отражением общего механистического миропонимания, которое отрицает качество и специфические, присущие последнему закономерности, которое не понимает противоречивых процессов, протекающих внутри системы и являющихся источником ее движения (изменения) и которое вынуждено, вследствие этого, искать причину этого движения обязательно вне системы. Но подобная концепция ничего общего не имеет с марксизмом. Вот, что мы читаем по этому вопросу у Ленина: «Движение» и «самодвижение» (это NB! самопроизвольное (самостоятельное) спонтанейное, внутренне необходимое движение), «изменение», «движение и жизненность», «принцип всякого самодвижения», «импульс» к «движению», и к «деятельности»—противоположность «мертвому бытию»—кто поверит, что это суть «гегелевщины»?.. «Эту суть надо было открыть, понять, спасти, вылущить, очистить, что и сделали Маркс и Энгельс» [1]).

Проблема источников движения имеет актуальнейшее значение и для современной биологии и патологии. В частности, по интересующему нас здесь вопросу о происхождении генотипических особенностей организма (нормальных и патологических) борются в современной биологии две основные линии. Это, во-первых, ламаркистская концепция о наследовании благоприобретенных (под влиянием среды в широком смысле этого слова) признаков и дарвинистская (генетическая)—о мутационном процессе. Мутации, согласно этой последней точке зрения, закономерно возникают в любой

---

[1]) Ленинский Сборник IX, стр. 127—129.

среде, в значительной мере автономно от последней, являясь следствием тех процессов, которые разыгрываются внутри материального субстрата наследственности—хромосомного комплекса. Среда, окружающая организм, может, соответственно трансформируясь внутри организма и его половых клеток, лишь ускорять, усиливать (или, наоборот, замедлять) спонтанейно протекающий процесс [1]). Но если признавать и бо́льшую роль среды в мутационном процессе (по этому вопросу, кстати, нет единства и в мнениях генетиков), то уже во всяком случае нельзя себе так упрощенно представлять дело, что хорошие условия жизни являются источником ценных мутаций (одаренности, силы и пр.), а плохие—наоборот. Такое воззрение отодвигает нас лет на тридцать назад, в до-генетическую эру, в период, являющийся в этом смысле младенческим в истории развития биологии.

Здесь не место развивать весь тот арсенал доказательств, которыми изобилует современная биология и которые камня на камне не оставляют от механистического упрощенства ламаркистской теории. В марксистской литературе последних лет это уже сделано с достаточной полнотой. Необходимо, однако, признать, что мы недостаточно популяризировали новейшие достижения биологии, чем только и можно об'яснить то обстоятельство, что подавляющее большинство врачей (равно как педагогов, зоотехников и др.), плетясь в хвосте у своих коллег Запада, продолжает оставаться в плену у механизма и научной обывательщины, а некоторые видят в ламаркизме чуть ли не символ революционной веры.

Не случайно, однако, спор между ламаркизмом и дарвинизмом или, вернее, спор за или против новейших достижений биологии заострился к концу восстановительного периода, на рубеже его с периодом реконструктивным. Не случайно потому, что успех грандиозной реконструкции всего народного хозяйства немыслим вне использования всех новейших достижений научной мысли. Поэтому в наших условиях борьба против ламаркизма и за генетику становится борьбой революционной, поскольку игнорирование ее достижений может затормозить наше быстрейшее продвижение вперед по пути к социалистическому строительству.

Каковы же те медицинские проблемы, по которым совершенно четко намечается стык с генетикой и по которым требуется быстрейшая ревизия укоренившихся механистических представлений? Их много. Остановлюсь лишь на главном.

Это, во-первых, проблема этиологии (причин болезней). Необходимо срочно пересмотреть широко распространенное воззрение, что среда является единственным источником, как болезней, так физиологических и психических особенностей организма. Подобное воззрение, представляя собою в проблеме причинности частный случай общей механической концепции (причина как обязательно внешнее в отношении к реагирующей системе), является одним из решающих факторов современного кризиса медицины и расцвета на этой почве идеализма и агностицизма. Логика философствующих медиков в этом пункте, примерно, такова: раньше все было ясно. Была эпоха бактериологии, которая в микробах и других внешних факторах открывала причины одной болезни за другой; теперь бактериологическая эра кончилась, происходит даже сужение числа болезней, считавшихся прежде чисто-инфекционными; говорят о конституциях, о внутренних причинах, но нет путей к их отысканию. Отсюда разговоры об

[1]) Здесь речь не идет о другой роли среды,—как фактора отбора и, следовательно, эволюции. Создавая путем отбора новые органические формы, среда создает и новый диапазон изменчивости их. В этом смысле роль среды в мутационном процессе огромна.

иррациональном, о непознаваемом и пр. И, поддерживая эту в значительной мере уже поблекшую идею о всемогущей роли внешней среды, наши «ламаркисты» по сути дела льют воду на мельницу идеализма.

В этом пункте генетика идет на помощь кризису, давая мощное и, по сути дела, глубоко диалектическое орудие для его преодоления. Верно, что часть болезней является следствием внешних, случайных в отношении организма, факторов (инфекции, интоксикации, травмы и т. п.), но именно лишь часть. В другом ряде случаев внешняя среда является лишь реализатором, усилителем соответственного генотипического дефекта (роль, напр., нерационального питания и нервных травм при диабете). И, наконец, в третьей категории случаев роль внешней среды ничтожна или практически равна нулю. Болезнь (или физиологический, психический признак) является во втором и третьем случае следствием одного или многих генов, заложенных в зародышевой плазме и происшедших (все равно,—у данного лица или у кого-либо из его предков) мутационным путем. И ничего мистического, иррационального в этом нет. Ибо мутационный процесс есть одна из универсальных об'ективных закономерностей живой природы. И когда нам удается какой-либо частный случай свести к этой закономерности, мы говорим, что мы приблизились к познанию этого явления. Приблизились, но не познали, ибо следствием одного и того же мутационного процесса является, скажем, и одаренность, и раннее слабоумие, и гигантизм, и карликовый рост, и рыжая борода, и отсутствие пигментации (альбинизм) и предрасположение к некоторым формам туберкулеза и стойкость в отношении к ним и многие другие нормальные и патологические признаки. Недостаточно, следовательно, для познания этих явлений одно лишь констатирование их генотипической обусловленности: необходимо итти дальше и пытаться на ряду с общим (мутационным процессом) находить особенное, частное, специфичное для данного конкретного признака. Современное состояние генетики дает пути и для решения этих проблем. Огромный накопленный ею фактический материал говорит о том, что эти особенности зависят, во-первых, от того, какая точка, какой хромосом затронуты мутационным процессом; во-вторых, от влияния всего генотипа как целого на ген (или сумму генов), обуславливающих данный признак; в-третьих, от тех внешних условий, в которых развивается данный организм. Все эти условия создают вместе специфический механизм индивидуального развития, который обуславливает появление именно данного признака с данными конкретными особенностями.

Сказанное является лишь небольшой частью из числа тех проблем медицины, в которые врывается современная биология и генетика, способствуя изживанию ползучего эмпиризма и ликвидации кризиса.

Когда, например, уже вышецитированный анатом Эльце не видит путей для познания своеобразия течения какой-либо болезни в каждом конкретном случае, когда он вследствие этого приходит к пессимистическому выводу, что «никакая анатомия, никакая физиология, никакая патология, никакой клинический метод исследования не дает возможности познать единичное, как целостное явление», что «в отношении к этому единичному разум бессилен, ибо оно доступно лишь искусству врача, то и по этому, как и по многим другим вопросам, современная генетика представляет нам большие возможности для плодотворных конкретных исследований [1]).

[1]) См. по этому поводу нашу статью «Генетика и патология», «Медико-Биолог. Журн.» 1929 г., № 5.

Но эти большие возможности таят в себе и значительные опасности, преодолевать которые по плечу лишь методологии диалектического материализма. Дело в том, что именно среди генетиков особенно процветает архиреакционное псевдонаучное учение, биологизирующее общественные отношения (и медицину в частности), пытающееся законами биологии оправдать классовый гнет, эксплоатацию трудящихся масс, варварские насилия над колониальными народами и пр. Речь идет о буржуазной евгенике. Нет более отвратительной «науки». Это от нее исходит учение о якобы генотипической неполноценности трудящихся масс и колониальных народов, это отсюда вытекает следствие о превосходстве буржуазии и дворянства над рабочим классом и белых народов над цветными, это отсюда идет воспевание «благодетельного» «естественного» отбора, имеющего место в капиталистическом обществе и пр. и пр. Волна этой реакции не миновала и СССР. На страницах «Русского Евгенического Журнала» еще сравнительно недавно звучали (правда, в несколько завуалированной форме) аналогичные нотки. В других местах высказывались сомнения в том, может ли рабочий класс осилить буржуазную культуру, посильно ли, например, рабочему обучение на рабфаке и т. п. И как это ни странно, но методология этого мракобесия ничем не отличается от той, которою пользуются «упразднители» мутационного процесса в коммунистическом обществе. И тут и там—отрицание специфичности качества, и тут и там—механическое сведение одних категорий к другим,—с той лишь разницей, что в одном случае мы имеем растворение социальных закономерностей в биологических, а в другом — наоборот. Необходимость борьбы на два фронта—самоочевидна.

Но вместе с водой не следует выплескивать и ребенка. И об'являя беспощадную борьбу буржуазной евгенике, особенно вредной для международного пролетариата, а также в наших условиях, в условиях массовой вербовки кадров социалистического строительства из среды широчайших трудящихся масс (в частности, национальных меньшинств) мы не должны отказываться от использования евгеники в наших интересах. И мы должны, мы обязаны, не ослабляя борьбы против евгеники буржуазной, немедленно приступить к разработке евгеники социалистической.

Мы далеко не коснулись всех больных сторон современной медицины, всех пунктов стыка ее с философией. Но и сказанного достаточно, чтобы показать, сколь много, во-первых, работы предстоит еще проделать материалистической диалектике, чтобы вывести медицину из тупика и что, во-вторых, эта работа не может быть оторвана от политических задач рабочего класса. За или против марксизма, за или против интересов социалистического строительства, за или против новейших завоеваний теоретической биологии,—для современной медицины означает за или против своего собственного прогресса, за или против изживания той гнили на Западе, свидетелями которой мы в настоящее время являемся.

От одной, однако, ошибки следует усиленно предостерегать товарищей, собирающихся внедрять марксизм в естественные науки, — это от ошибки формального манипулирования законами диалектики и чисто-схоластического его «применения» к указанным областям. Об этой опасности следует особенно громко кричать теперь, когда марксизм быстро расширяет сферы своего влияния, когда мы наблюдаем огромный интерес к нему со стороны естественников всех специальностей. Когда, например, С. Я. Вольфсон, анализируя кризис современной медицины и, в частности, вышеупомянутую дискуссию о соотносительной роли лабораторных и клинических методов в деле исследования больного, приходит к неожиданному выводу, что «лаборатория и клиника».... «это взаимно-проникающие противоположности» и что «единство этих противоположностей устанавливается диалектикой» [1],—то он этим оказывает плохую услугу и медицине, и марксизму. Поменьше не раскрытых в своем содержании формул, побольше внимания (и знания) к конкретным, актуальным проблемам—и марксизм победит окончательно, ибо нет (и быть не может) другой методологии, могущей справиться с глубочайшим кризисом современного естествознания.

[1] С. Я. Вольфсон, Диалектический материализм и медицина, стр. 38, Минск 1929 г.

Психотехника в СССР за последние годы.

И. Шпильрейн.

Об'ективные условия, в которых развивалась психотехническая работа в СССР, сильно изменились за те три года, которые прошли со времени первого психотехнического с'езда, бывшего первым смотром наших сил и достижений в СССР.

Обстановка в 1927 г. была такова, что довольно еще значительная безработица даже среди людей, обладающих некоторой квалификацией, делала неактуальной попытки профессиональной ориентации или планового государственного руководства распределением рабочей молодежи по специальностям. Задача психотехника по необходимости осталась бы здесь не ориентационной, а консультационной и поэтому практическая полезность психотехнической работы была оценена только теми ведомствами, которые непосредственно имели дело с массовым отбором и распределением внутри уже сложившихся организаций, главным образом, в армии и отчасти на транспорте. Самая эта работа была также мало специфичной для СССР. Так же, как и в капиталистических странах, отдельные промышленные или прочие организации ставили перед собой задачу профессионального отбора и выполняли ее в меру сил и возможности. Плановые принципы нашего хозяйствования ни в какой мере не выявились при этой работе.

В обоих этих отношениях обстановка в настоящее время сильно изменилась. С одной стороны громадная потребность в рабочей силе вызывает неимоверный рост спроса на непосредственно профориентационную и профконсультационную работу психотехников. С другой стороны, самый этот спрос не может уже регулироваться так, как он регулировался прежде, т.-е. только с точки зрения заинтересованных предприятий. Подбор рабочей силы оказывается недостаточным. Проблема кадров, грозящая оказаться узким местом социалистического строительства, заставляет рассматривать профессиональный подбор не как самоцель, а только как часть общей проблемы подготовки кадров. Задача психотехника в настоящее время не только отобрать и направить, но и помочь наилучшим образом подготовить рабочего для социалистического строительства.

Период реконструкции принес с собой полное изменение основных задач психотехника. Эти задачи рассматривались очень многими, как вполне совпадающие с задачами профотбора. Таким образом, с одной стороны неправомерно сужался об'ект психотехники, которую пытались ограничить только одной частью ее работы, с другой стороны — как бы считалось возможным ограничиться исключительно психотехническим профотбором, недоучитывая все прочие точки зрения (соматически-медицинскую, социальную), которые играют роль при профессиональном отборе.

Специфичность новых условий, в которых проходит психотехническая работа, заключается также в том, что только в период реконструкции нашего хозяйства на социалистических началах, мы, психотехники, в нашей повсе-

дневной работе сталкиваемся с совершенно новыми требованиями, отличными от тех, которые пред'являют предприятия буржуазных государств к работникам нашей специальности и которые почти в неизменном виде пред'являлись и предприятиями Советского Союза. Дело в том, что там, где психотехнику приходится работать не в интересах отдельного предприятия, отбирая для него наилучших рабочих из всегда полного рынка труда, а в качестве работника государства, в плановом порядке распределяющего и подготовляющего рабочую силу,— там одна только успешность работы не является уже методологическим ее оправданием. Действительно, если в результате профессионального отбора какая-нибудь школа комплектовалась молодежью более подготовленной, а не более одаренной, преподаватели этой школы со своей узкой точки зрения имели все основания быть довольными результатами отбора. Педагогический процесс ускорялся, процент отсева уменьшался. Между тем методологическая неправильность отбора, который вместо испытания профессиональной пригодности превращался в испытание знаний, естественно, не может не отозваться на народном хозяйстве в целом там, где такой профессиональный отбор становится массовым явлением, и не может не привести к извращению классового принципа отбора. В тех тестах (методах испытаний), которые мы вначале перенимали без существенных изменений от иностранных авторов, часто в самой причудливой форме перемешаны элементы испытания знаний и испытания одаренности. Действительно, буржуазные психотехники не заинтересованы в том, чтобы проводить резкую грань между этими двумя элементами психотехнического испытания. Наоборот, если в результате психотехнического испытания на высшую должность в промышленности и в армии продвигаются только лица, получившие лучшую школьную подготовку, т.-е. принадлежащие к более состоятельным классам населения, то классовый принцип буржуазного государства соблюден. Разве не естественно, чтобы командные должности в армии и в промышленности занимались представителями господствующего в стране класса? Но как раз этот же принцип классового отбора является грубо нарушенным такими тестами в наших условиях. Поэтому применение в неизмененном виде в наших условиях, например, тех тестов, при помощи которых в американской армии отбирались кандидаты в офицерские школы во время империалистической войны, привело бы у нас к полному извращению классового принципа и к фактическому препятствию орабочиванию командного состава армии. На этом одном примере видно, как необходимый пересмотр применявшихся методов, в связи с отличием нашего строя от буржуазного, привел нас к постановке методологических проблем.

Точно так же необходимость привела к постановке методологических проблем и в других областях психотехники. Так, исследования изменчивости (утомления, упражнения) в наших условиях с полной ясностью показали и прежде всего на практике, как недостаточны часто-регистрационные, биологические методы, применявшиеся для этих исследований до самого последнего времени. Никакое чисто-соматическое исследование утомления и упражнения не может об'яснить нам таких фактов, как психогенное утомление, как значительное возрастание производительности при изменении социальных условий без вреда для организма рабочих, как значительно большая производительность свободного труда по сравнению с несвободным.

Все это привело по необходимости к пересмотру знаменитой теории о «человеческой машине» и понятия физиологии труда. Совершенно ясно, что физиология труда — понятие механистическое, основанное на нескладном переводе французского выражения «physiologie du travail». Это выражение следовало перевести на русский язык «физиология работы». Действительно, только работа, т.-е. чисто-энергетическая часть трудового процесса, может

изучаться физиологией, тогда как труд, как социальное явление, относится к области изучения наук, изучающих высшие формы жизненных явлений. Трудовой процесс предполагает сознательное активное участие рабочего в нем и не может быть изучен без учета сопутствующих ему явлений сознания. Эти методологические соображения, которые выплыли в психотехнике лишь в самое последнее время, в связи с ростом ее значения и в связи с изменением характера спроса на ее работу (т.-е. с новым социальным заказом, пред'являемым нашим хозяйством), заставили также психотехников в самое последнее время принять участие в тех спорах в области психологии, которые до последнего времени никак не отражались в психотехнике. Действительно, поскольку в психотехнической практике мы ограничивались установлением успешности нашей работы для оправдания применявшихся нами методов, мы не нуждались в теоретически методологическом их оправдании. Но по мере того, как все яснее становится, что одна практическая успешность не оправдывает еще применяющихся методов, по мере того, как возникают новые принципиально методологические вопросы в психотехнике, споры, бывшие до сих пор актуальными только для психологов, приобретают основное методологическое значение и для психотехников. Так, вопрос о взаимоотношениях между социальным и биологическим в психотехнике, выплывший в процессе анализа результатов психотехнических исследований, оказался связанным с вопросом об определении места психотехники среди других психоневрологических наук. Это заставило поднять общий вопрос о том, насколько же разрешен спор о «социологическом» и «биосоциальном», т.-е. взаимоотношениях социального и биологического в психоневрологических науках. Ответ на этот вопрос должен быть разделительным. Психотехника, как наиболее социальное крыло этих наук, действительно, заслуживает названия науки социально-биологической, в которой социальная дифференциация изучаемых явлений имеет примат по значимости перед дифференциацией биологической.

Такая разделительная постановка проблемы, естественно, заставляет нас в психотехнике выступить против тех часто бесплодных и совершенно оторванных от всякой реальности споров о «социально-биологическом» или «биосоциальном» характере «психоневрологии» вообще, споров, которые в течение многих лет велись между психологáми, недоучитывавшими значения дифференциации внутри группы психоневрологических наук и пытавшихся определить психологию и разрешить основные философские проблемы ее чисто-умозрительно, без учета всегда реальной, конкретной и дифференцированной действительности.

Вот почему проходившая под лозунгом борьбы против цитатизма психотехническая настороженность к часто бесплодным спорам между психологами, фактически была точкой зрения лиц, научившихся уже изменять мир и не находивших у представителей той науки (психологии), которая должна была создать психотехническую теорию, методологического обоснования своей работы. Вышло как раз наоборот: ведя несколько лет теоретические споры о природе и основных проблемах своей науки, психологи (называвшие себя так, чтобы подчеркнуть свою теоретическую значимость в отличие от психотехники) не дали новых экспериментальных фактов, новых наблюдений, которые позволили бы создать марксистскую теорию психологии. Между тем, в практике психотехнической работы как раз и встретились те новые и специфические проблемы, которые должны были лечь в основу методологического исследования в психоневрологических науках. Именно на основании наблюденных психотехниками фактов был дан методологический анализ дифференциации внутри группы психоневрологических наук. Этот анализ, с одной стороны, показал, что спор о «биосоциальном» или «социально-биологическом» характере психоневрологических наук не может быть решен «вообще», применительно ко всем этих наукам. С другой стороны, он показал и то, что совершенно ошибочно считать основной проблематикой психоневрологических наук вообще только те проблемы, которые были основными для Вундта и непосредственных продолжателей его учения. Вопрос о роли самонаблюдения, вопрос о конкретных взаимоотношениях некоторых групп психологических и физиологических явлений и тому подобные вопросы были действительно важнейшими методологическими вопросами для Вундта и его последователя у нас, Челпанова. Но эти вопросы являются подчиненными в марксистском наукоучении, для которого материалистическое обоснование всех фактов не является больше дискуссионной проблемой так же, как не является дискуссионной проблемой и факт существования сознания и обусловленности этого сознания материальными причинами.

Именно психотехника в своих последних исследованиях, накопившая достаточно фактов для теоретического их охвата и не могущая по самому характеру своей направленности отвлечься от конкретной действительности, именно психотехника дала теоретической психологии ту новую зарядку, ту новую проблематику, касающуюся взаимоотношения социального и биологического, которая должна быть центральной в нашей группе наук, занимающих промежуточное положение между науками биологическими и социальными. Показателем этого нового значения психотехники является та переоценка ценностей, которая происходит на наших глазах во всех смежных с ней науках. Так, мы видим, что психологи, еще недавно считавшие, что теоретическая их направленность выгодно отличает их от психотехников, в настоящее время все без исключения занимаются психотехническими проблемами. Мы видим, что педологи, до сих пор ограничивавшиеся только провозглашением лозунга «целостности», под давлением психотехнической критики вынуждены сейчас спешно перестраиваться для того, чтобы расшифровать это чисто-формальное определение, что марксистское наукоучение в применении к науке о сознании, именно в психотехническом преломлении, получает свое конкретное оформление потому, что только сознание человека в его конкретном поведении и в конкретных условиях общества может являться об'ектом познания, на котором оттачивается методологическое оружие марксистской психологии.

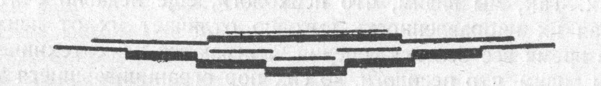
Путь развития советской психотехники от чисто-методических и технических успехов через оформление политического лица советского психотехника к построению методологических оснований своей работы был путем совершенно сознательного в своей последовательности развития. С самого начала психотехнической работы у нас — в 1921 и 1922 гг. — мы уже ясно ставили вопрос о вехах, которые должны были определять собой пути прикладной работы советской психотехники. Политическая ориентация советских психотехников с достаточной ясностью выразилась и в резолюциях первой всесоюзной психотехнической конференции в 1927 г. Точно так же методическое и политическое лицо советских психотехников было с большой ясностью показано в выступлениях советских психотехников на международных конференциях 1927 и 1928 гг.

1929 год был годом перелома, годом, когда впервые были поставлены задачи марксистского методологического овладения тем психотехническим материалом, который до того был недостаточно богат, чтобы позволять такое оформление. Значение этого методологического первенства психотехники для постановки психологических проблем я пытался подчеркнуть в моем докладе о психотехнике в СССР на IX международном конгрессе по психологии в Нью-Гевене в 1929 г. И, наконец, чисто-методологическое значение психотехники и попытка марксистского овладения ею и уже сознательного

построения психотехнической теории на основе марксистской методологии выразилась в докладах советских психотехников — Сыркина и Шпильрейна на VI международной конференции по психотехнике в Барселоне в 1930 г. В обоих докладах подчеркивалось значение психотехники, как наиболее социального крыла социально-биологических наук, и необходимость резкого отказа от попыток построить чисто-биологическую теорию психотехники и указывалось на необходимость внести в традиционные методы психотехники те изменения, которые вытекают из новой трактовки ее и из того специфического оформления, которые она должна получить там, где «социальный заказ» на ее работу дается не капиталистами, а строящим социалистическое государство рабочим классом.

Эти изменения должны, конечно, привести к падению тех искусственных, т.-е. не заложенных в существе изучаемых об'ектов разграничений, которые существуют между такими родственными науками, как педология, психология, экспериментальная педагогика и психотехника.

Определение места каждой из этих наук в группе наук о человеке — первая работа, за которой должны последовать серьезные сдвиги в терминологии и в классификации этих наук.

Философский фронт на Украине.

В. Юринец.

Марксистская философская мысль на Украине встретилась в начальном этапе своего развертывания с целым рядом неблагоприятных обстоятельств, которые нужно было преодолеть, чтобы полным ходом перейти к творческой и плодотворной работе. Теоретически вооруженных в полном совершенстве марксистских кадров было немного, они были распылены по всем крупнейшим центрам Украины, перегружены повседневной практической работой. Их пришлось сначала собирать, дабы создать один мощный ударный кулак.

Начало осуществления этой исключительно важной задачи было положено осенью 1921 года, после ликвидации, в основном, фронтов гражданской войны. Тогда-то была создана, при помощи содействия ЦК КП(б)У, по инициативе нескольких товарищей, первая на Украине научно-исследовательская кафедра марксизма и марксоведения в Харькове.

Среди вопросов, которые разрабатывала кафедра, философские проблемы стояли на первом месте. Кафедра проделала за первые годы своего существования необычайно большую работу: она сконцентрировала вокруг себя все выдающиеся научные марксистские силы на Украине, она создала определенный кадр аспирантуры, марксистскую смену, которая сможет философскую марксистскую мысль поднять на дальнейший, высший этап своего развития.

Эта начальная работа дала возможность преобразовать кафедру марксизма в 1924 году в Украинский институт марксизма с тремя отделениями — философским, экономическим и историческим, к которым в 1926 году присоединилась еще кафедра национального вопроса на правах отделения. Философско-социологическая работа сконструировалась в философско-социологическом отделении. Первые трудности были преодолены — но они не исчезли совсем. Кадр научных работников был все-таки недостаточен; огромное развитие вузовской работы, большое внимание, которое уделялось преподаванию диалектического и исторического материализма в них, пред'являл и к научным работникам и аспирантуре отделения, относительно немногочисленной, такие запросы преподавательского характера, что научная серьезная работа могла вестись ими только спорадически, носила статейный или научно-популярный характер и не поднималась до уровня солидной монографии. А задачи философского фронта росли.

Мелкобуржуазная идеологическая стихия прорывалась порой и в наши коммунистические ряды в виде националистических лозунгов, главным образом, на участке литературы (хвильовизм), прикрываясь иногда извращенной псевдо-марксистской диалектикой, прибегая порой к «философским» построениям теоретиков украинского фашизма. Украинский фашизм, будучи по существу зоологическим национализмом, выступил в лице Донцова во всеоружии современной буржуазной философии. Своего теоретического обоснования он искал и в интуитивной философии Бергсона, в теории социального мифа